

СООБЩЕНИЯ, ЗАМЕТКИ

ИЗ ИСТОРИИ ИЮЛЬСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1917 г.

Н. Ф. СЛАВИН

Самым главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти. В ходе Февральской революции в России этот вопрос, в силу ряда исторических причин, был разрешен крайне противоречиво, что нашло свое выражение в образовании двоевластия: с одной стороны, Советов рабочих и солдатских депутатов, опиравшихся на поддержку широких масс народа; с другой — Временного правительства, являвшегося правительством буржуазии и обуржуазившихся помещиков. В результате соглашательской политики эсеро-меньшевистских руководителей Петроградского Совета государственная власть оказалась в руках Временного правительства.

Но в условиях двоевластия Временное правительство, будучи по своей классовой природе глубоко антинародным, вынуждено было всячески лавировать, прикрываясь флагом демократизма и революционности. «На словах,— писал В. И. Ленин в сентябре 1917 г.,— народное, демократическое, революционное правительство, на деле — противонародное, антидемократическое, контрреволюционное, буржуазное, вот то противоречие, которое существовало до сих пор и было источником полной неустойчивости и колебаний власти...»¹.

Непрерывное обострение классовой борьбы привело к тому, что за время своего недолгого существования Временное правительство пережило ряд тяжелых потрясений, кризисов.

В основе их лежали глубокие экономические и политические причины, растущее недовольство масс империалистической политикой правительства.

В ходе правительственных кризисов с большой наглядностью раскрывались политические позиции различных классов и партий, выявлялось их подлинное место в революции. Естественно, это играло большую роль в росте политической сознательности широких народных масс, в конечном счете — в создании политической армии социалистической революции, возглавляемой большевистской партией.

Одним из наиболее глубоких и длительных был июльский кризис власти, с которым связана самая крупная противоправительственная демонстрация в 1917 г. Это была последняя попытка путем манифестации побудить Советы взять власть. Но предательство эсеров и меньшевиков привело к установлению единовластия контрреволюционной буржуазии. В ходе революции наступил крутой перелом — мирное ее развитие стало невозможным.

Существенное значение для понимания обстоятельств хода и исхода июльского кризиса власти (как, впрочем, и других кризисов власти) имеет вопрос о позиции кадетской партии, ибо именно эта партия была главной политической силой буржуазной контрреволюции в России.

Этим определялось решающее воздействие кадетской партии на всю политику Временного правительства.

Отсутствие архивных материалов центрального комитета кадетской партии за 1917 г. затрудняет изучение вопроса о тактике кадетской партии в период июльского кризиса. Однако в архивном фонде кадетского лидера П. Н. Милокова сохранилось несколько сделанных Милоковым кратких протокольных записей отдельных заседаний централь-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 341.

ного комитета кадетской партии. Эти документы помогают более полно раскрыть особенности политической линии кадетов и всю гибельность для народа и революции той тактики, которую осуществляли под кадетскую диктовку эсеро-меньшевистские соглашатели. При изучении этих документов решающее значение имеют, разумеется, исчерпывающие принципиальные оценки политики кадетской партии, содержащиеся в трудах В. И. Ленина и решениях большевистской партии.

В настоящей статье ставится задача осветить тактическую линию кадетской партии в период июльского кризиса власти.

* * *

Во Временном правительстве, созданном в ходе Февральской революции, руководящее положение заняла кадетская партия. Объясняется это тем, что кадетская партия, демагогически называвшая себя партией «народной свободы», в действительности была главной партией российской буржуазии — класса, который давно уже правил страной экономически и был к 1917 г. «почти совсем» у власти. Поэтому, когда монархия под ударами революции развалилась, ее место без промедления было занято буржуазией и ее кадетской партией.

Ловко играя на своем положении бывшей «оппозиции», кадетская партия быстро перекрасила свой политический фасад и из партии конституционно-монархической в первый же месяц революции превратилась в партию «республиканскую»², что, однако, ни в какой степени не изменило ее контрреволюционной сущности. Став у власти, кадеты все свои усилия направили к тому, чтобы продолжать грабительскую войну, чтобы задуть революционное движение рабочих и крестьян и сделать прочным и несокрушимым господство буржуазии. Все это превратило кадетскую партию в главный центр притяжения и организации всех сил буржуазной контрреволюции.

Лагерю буржуазной контрреволюции, возглавляемому кадетской партией, прямо и непосредственно противостоял революционный лагерь во главе с пролетариатом и его испытанной большевистской партией. После исторической победы над монархией большевистская партия устами своего вождя В. И. Ленина сформулировала новую стратегическую цель, вставшую перед рабочим классом и заключающуюся в ликвидации буржуазной власти и установлении диктатуры пролетариата.

В ленинском плане борьбы за переход от буржуазно-демократической революции к социалистической важное место было отведено Советам — главным массовым организациям рабочих и крестьян, выражавшим волю подавляющего большинства населения страны. Опираясь на силу вооруженного народа, Советы легко могли взять власть в свои руки, что обеспечило бы мирное развитие революции.

Но этого не случилось. Советы не пошли на ликвидацию двоевластия в свою пользу. Дело в том, что большая часть депутатов в Советах была в то время на стороне мелкобуржуазных партий эсеров и меньшевиков, причем господство этих партий «сложилось, естественно, в силу мелкобуржуазности преобладающей массы населения России»³. Для этой массы населения было характерно в тот период доверчиво-бессознательное отношение к капиталистам, что определяло «известное время увлечение мечтой о замене острой классовой борьбы мирным соглашательством рабочих с капиталистами, крестьян с помещиками»⁴. В области политики это выражалось в соглашательстве партий эсеров и меньшевиков с кадетами. В. И. Ленин отмечал, что соглашательство, которое составляло сущность всей политики эсеро-меньшевиков, было вызвано «глубоким классовым родством мелких и крупных буржуа»⁵.

Однако глубокое внутреннее противоречие между коренными интересами народных масс и антинародной политикой буржуазного Временного правительства не могло сколько-нибудь длительное время оставаться неразрешенным. Непосредственный политический опыт масс (и прежде всего рабочего класса) толкал их к открытым выступлениям против буржуазии и ее Временного правительства, что ярко проявилось уже во время антиправительственной демонстрации 20—21 апреля 1917 г.

² См. Резолюции VII делегатского съезда партии народной свободы. «Вестник партии народной свободы», 1917, № 1, стр. 9.

³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, изд. 7, 1954, стр. 374.

⁴ Там же.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 112.

В руководящих кругах буржуазии достаточно трезво оценивали неустойчивое положение Временного правительства и настойчиво искали методы и средства, которые могли бы обеспечить установление прочного единовластия буржуазии. Искания эти нашли свое наиболее полное выражение в тактике кадетской партии.

В. И. Ленин указывал, что всемирный опыт буржуазных и помещичьих правительств выработал два способа удержания народа в угнетении. Первый способ — насилием, второй способ — обманом, лестью, грошевыми подачками и т. д. Развитие революции в 1917 г. показало, что оба эти метода были использованы кадетами.

После такого серьезного урока, каким явился апрельский кризис, наглядно выявивший непрочность буржуазного Временного правительства, кадеты использовали прием, который неоднократно практиковался капиталистами других стран «для одурачения, разделения и обессиления рабочих»⁶. Прием этот состоял в образовании так называемого «коалиционного» правительства, составленного из буржуазии и перебежчиков социализма.

Меньшевики и эсеры, пойдя на коалицию с кадетами, поддержали падающее правительство буржуазии. Но хвастливыми речами и бесконечными обещаниями министров «социалистов» нельзя было надолго скрыть тот факт, что под флагом коалиции укрепляется именно буржуазия, что ни одно из основных народных требований не выполняется и коалиционным правительством. Это еще более усиливало недовольство и возмущение масс действиями власти, а вместе с тем неудержимо росли авторитет и влияние в народе большевистской партии.

В лагере буржуазно-помещичьей контрреволюции со страхом и тревогой следили за нарастанием массовых революционных выступлений, и вместе с тем в буржуазных, кадетских верхах начинает все более усиливаться тенденция к установлению единовластия буржуазии в форме военной диктатуры, способной силой оружия покончить с революционным движением рабочих и крестьян и их политическими организациями. При этом кадеты своего главного политического противника вполне резонно видели в большевистской партии. Укрепившись с помощью соглашателей у власти, кадеты начинают все сильнее раздувать злостную, клеветническую кампанию против большевистской партии, сопровождая ее все чаще требованиями кровавых репрессий. Кадетская «Речь» не уставала убеждать правительство, что «в руках власти есть и другие средства, кроме убеждения»⁷. В. И. Ленин писал что «требование репрессий составляло одну из главных, если не главную, часть политической программы кадетов в революции»⁸.

Но каковы были пути к осуществлению этой программы? И какую роль могли сыграть здесь меньшевики и эсеры? А в связи с этим — каково должно быть отношение к коалиции? Все эти вопросы стали в центре внимания кадетской партии уже вскоре после образования коалиционного правительства, но особую остроту приобрели они в середине июня 1917 г. в связи с быстрым назреванием нового политического кризиса.

Известно, что партия большевиков, идя навстречу требованиям петроградских солдат и рабочих и стремясь дать организованное выражение неудержимо нараставшему недовольству и возмущению масс, решила провести 10 июня 1917 г. мирную демонстрацию в Петрограде. В контрреволюционном лагере против демонстрации поднялся всеобщий вой, «объединивший на этот раз контрреволюционных кадетов с эсерами и меньшевиками»⁹. Соглашатели, пользуясь своим большинством на I Всероссийском съезде Советов, приняли решение об отмене демонстрации 10 июня, но затем, чтобы сохранить доверие масс, они назначили демонстрацию на 18 июня. Несмотря на тщательную подготовку соглашателей к демонстрации, она прошла под большевистскими лозунгами перехода всей власти к Советам.

В лагере буржуазии демонстрация 18 июня, которая по замечанию Милюкова, вылилась в «торжество большевиков», вызвала приступ ярости и негодования. Само решение о проведении этой демонстрации Милюков оценивал как недопустимый «зигзаг влево» со стороны эсеров и меньшевиков, хотя он и видел причину «зигзага» в том, что «они почувствовали, что они теряют почву»¹⁰.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 212.

⁷ «Речь», 4 июня 1917 г.

⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 182.

⁹ Там же, стр. 215.

¹⁰ ЦГИАМ, ф. 579, оп. 1, д. 854, л. 3.

Столь же резкую реакцию со стороны буржуазии вызвал и другой, по характеристике Милюкова, «зигзаг в сторону большевиков», который заключался в том, что Временное правительство 14 июня, по настоянию министров-«социалистов», приняло якобы «очень быстрое»¹¹ решение о назначении срока выборов в Учредительное собрание на 17 сентября. В этой связи следует заметить, что кадеты, опасаясь «левого» состава будущего Учредительного собрания, всячески старались оттянуть его созыв.

В правящих кругах буржуазии, в том числе в кадетской партии, поведение министров-«социалистов», их колебания и боязнь «решительных действий» вызвали резкое осуждение. Кадеты отмечали, что с момента организации коалиции эсеро-меньшевистские лидеры совершили значительную эволюцию вправо. Даже лидер кадетской партии Милюков, выражавший взгляды наиболее агрессивных элементов буржуазии и выступавший в апреле против образования коалиции, в июне уже с удовлетворением признавал, что министры-«социалисты» «в сравнительно короткий срок... успели многому научиться»¹². Их речи на I Всероссийском съезде Советов Милюков, выступая перед кадетской аудиторией, прямо назвал «кадетскими речами на съезде депутатов»¹³.

Тем не менее неустойчивость и нерешительность министров-«социалистов», их зависимость от Совета, по мнению Милюкова, лишали коалиционное правительство возможности быть «твердой властью». Это, естественно, делало для буржуазии весьма актуальным вопрос об отношении к коалиционному правительству, и в середине июня 1917 г. (судя по протокольной записи) вопрос этот подвергся тщательному обсуждению на заседании центрального комитета кадетской партии — главного политического штаба буржуазии.

На этом заседании Милюков, исходя из соображений, изложенных выше, сделал вывод о нецелесообразности дальнейшего сохранения коалиции и о желательности немедленного выхода кадетских министров из правительства. Точка зрения Милюкова на заседании была безоговорочно поддержана одним лишь Степановым, заявившим, что «делать нечего и надо уйти»¹⁴.

Ряд других членов кадетского центрального комитета высказался против разрыва с соглашателями и немедленного выхода из правительства, считая этот шаг преждевременным. Так, Новгородцев, утверждая, что есть только один «путь отрезвления — физическая сила», в то же время не выступал против «сотрудничества» с меньшевиками и эсерами. Он доказывал, что в правительстве «влиять нужно не [только] на наших, но и на других министров: они быстро учатся. Скобелев начинает понимать элементарные истины». Но так как меньшевики, как выразился Новгородцев, «заигрывают с интернационализмом», то, чтобы прекратить эти «заигрывания», Новгородцев считал целесообразным «бросить открытый вызов»¹⁵, т. е. припугнуть соглашателей уходом из правительства.

С Новгородцевым вполне согласился Кизеветтер, заявивший: «Ультимативная постановка нас усилит, [потому], [что] нашего ухода все бояться». Кизеветтер предлагал «не отзывать, а наоборот: поднять голос партии более мощно» и энергично выходить «на авансцену». В то же время, по мнению Кизеветтера, кадеты должны были «быть готовы уйти каждую минуту». «Волна недовольства,— говорил он,— растет. Она скоро обнаружится явственно, мы д[олжны] возвыситься на ее гребне»¹⁶. Следовательно, Кизеветтер и Новгородцев считали необходимым усилить давление на эсеров и меньшевиков в рамках коалиции. Они были уверены, что соглашатели, запутавшись в сделках с кадетами, примут их ультимативные требования о «применении силы». Тем самым должны были быть, по их мнению, созданы условия для разгрома революционных сил во главе с партией большевиков и для установления единовластия буржуазии, возглавляемой кадетами.

Значительная группа членов кадетского центрального комитета выступала еще более решительно за сохранение коалиции и укрепление связей с меньшевиками и эсерами. Эти кадетские лидеры считали, что надо не подрывать, а укреплять коалицию, направляя ее, а вместе с ней и все возможные силы, в том числе и соглашателей, в русло

¹¹ ЦГИАМ, ф. 579, оп. 1, д. 854, л. 3.

¹² Там же, д. 855а, л. 27.

¹³ Там же, д. 854, л. 3.

¹⁴ Там же, д. 740, л. 2.

¹⁵ Там же, л. 1.

¹⁶ Там же, л. 3.

активной борьбы против большевиков. «Правду» возят вагонами,— говорил Астров, между тем как кадетская партия была, по его словам, «тоненьким слоем обреченных»¹⁷. Астрову вторил Беккер, утверждавший, что «в стране ослабел интерес к кадетам» и что выход из коалиции совсем погубит их «кредит в стране» и «партия будет мертва»¹⁸. Один из лидеров «левого» крыла кадетской партии Аджемов предложения «применить силу» назвал «упрощенными» и «старыми рецептами», использованием которых не достичь цели. Аджемов доказывал, что кадеты должны оказать поддержку меньшевикам и эсерам и всем организациям, находящимся в их руках, в том числе и соглашательским Советам. «Если бы Советов [рабочих] и [солдатских] депутатов не было бы,— заявил Аджемов,— была бы полная анархия... Без [Советов] [рабочих] и [солдатских] депутатов нельзя было бы организовать страну. К деревне не подошли бы... Мы [должны],— заключил Аджемов,— поддерживать течение Совета рабочих и солдатских депутатов, всемерно бороться против большевиков, но срединное течение мы [должны] считать здоровым»¹⁹.

Против разрыва с эсеро-меньшевиками и их организациями возражал также Садырин. С ненавистью и презрением третировал Садырин революционных рабочих и крестьян, называя их «взбунтовавшимися рабами». Он с большим сожалением говорил о том, что «у интеллигенции нет силы заставить рабскую волю подчиниться... Когда мы теперь против народной массы, наше положение трудное». Отсюда Садырин делал вывод, что нельзя за развитие революционного движения «возлагать ответственность на Советы рабочих депутатов». Наоборот, «пусть люди идут в какую угодно организацию: с организациями лучше иметь дело. [Должно] [быть],— утверждал Садырин,— самое дружеское отношение ко всем организациям, кроме большевистских»²⁰.

Кишкин, А. Корнилов, Френкель и некоторые другие члены кадетского центрального комитета поддержали Аджемова и Садырина, соглашаясь с тем, что крайне важно использовать меньшевиков и эсеров, а через их посредство и Советы для борьбы с большевистской партией. «Если бы мы объявили борьбу с Советом,— заявил Кишкин.— [то] повергли бы страну, в анархию. Наше дело — н а п р а в л я т ь, но надо подчеркнуть отрицание большевизма»²¹. Секретарь кадетского центрального комитета Френкель, лестно отозвавшись об эсеро-меньшевиках, особо подчеркнул, что «между ними и Лениным принципиальная разница... Для нас вполне приемлемо идти с ними»²². Эту точку зрения разделял и А. Корнилов, видевший «возможность спасти [видимо, власть буржуазии.— Н. С.] — только в проведении трещины между социалистами»²³. Видный кадетский лидер Родичев прямо заявил, что отставка кадетов будет означать, что «правительство» сдает Россию Совету» и вследствие этого «влияние Ленина сразу возрастет»²⁴.

Таким образом, при обсуждении вопроса об отношении к коалиции в центральном комитете кадетской партии выявились некоторые разногласия. Но разногласия эти отнюдь не носили принципиального характера. Большая часть руководящих деятелей кадетской партии твердо настаивала на сохранении коалиции. Кадеты ясно представляли себе назначение этой коалиции как ширмы для прикрытия господства контрреволюционной буржуазии. Не имея никакой опоры в массах, кадеты стремились полностью подчинить себе эсеро-меньшевиков и использовать их влияние среди масс для борьбы против большевистской партии, против перехода власти к Советам, для укрепления власти буржуазии. Кадеты, наконец, полагали, что усиливая нажим на эсеро-меньшевистских вождей, можно парализовать их колебания и превратить их не только в орудие обмана масс (каким они уже давно стали), но и в орудие подавления революционных рабочих и крестьян.

В соответствии с намеченной тактикой кадеты усилили давление на соглашателей. Кадетская «Речь» 18 июня, т. е. в день демонстрации, поместила передовую, которая

¹⁷ ЦГИАМ, ф. 579, оп. 1, д. 740, л. 4.

¹⁸ Там же, л. 5.

¹⁹ Там же, л. 2. Подчеркнуто автором цитируемого документа. Далее аналогичные подчеркивания не оговариваются.

²⁰ Там же, л. 1.

²¹ Там же, л. 4.

²² Там же, л. 2.

²³ Там же, л. 3.

²⁴ Там же, л. 4.

привела в трепет соглашателей, поскольку в статье поднимался вопрос о целесообразности дальнейшего сохранения правительственной комбинации. Соглашатели испуганно заговорили о том, что у кадетов определилось намерение выйти из правительства.

В. И. Ленин с исключительной пронизательностью раскрыл подлинный смысл кадетской тактики. Относительно кадетской угрозы выйти из правительства В. И. Ленин писал: «Это пустяки. Кадеты грозят, чтобы запугать Церетели и Черновых. Это не серьезно»²⁵.

В то время, как авангард рабочих и солдатских масс России требовал от эсеро-меньшевистских руководителей Советов, чтобы они оставили колебания и порвали с политикой соглашательства с контрреволюционной буржуазией, кадеты, угрожая разрывом, толкали соглашателей к полному и безусловному подчинению всем требованиям империалистов, к окончательному переходу в лагерь буржуазной контрреволюции. Какой же выбор сделали эсеро-меньшевистские лидеры? Выбор этот в сущности был предопределен многочисленными сделками соглашателей с буржуазией и особенно политикой наступления на фронте. Ведь именно министры-«социалисты», по требованию русских и «союзных» империалистов, подготовили это наступление, которое неизбежно должно было усилить влияние империалистической буржуазии и военной клики, создать условия для проведения всякого рода репрессий против революционных элементов на фронте и в тылу и подготовить тем самым условия для ликвидации двоевластия в пользу буржуазной диктатуры. Не случайно поэтому в кадетских планах борьбы с революцией организации наступления на фронте отводилось особо важное место. И буржуазия высоко оценила усилия министров-«социалистов» и особенно военного министра Керенского в подготовке наступления. Даже Милуков считал нужным «отдать полную справедливость» Керенскому, который «сделал все, что мог, что было в его силах, чтобы переломить настроение на фронте»²⁶.

Таким образом, с помощью коалиционной тактики кадеты достигли весьма важного результата в борьбе против революции за установление единовластия буржуазии.

Наступление, а затем провал его резко накалили политическую атмосферу в стране, особенно в революционном Петрограде. С предельной ясностью стало очевидно, что Временное правительство, миролюбивое на словах, на деле обманывает народ, активно продолжая империалистическую войну. Столь же ясно стало, что эсеро-меньшевистские лидеры содействуют преступной политике Временного правительства, плетутся в хвосте у него. С необычайной быстротой назревал революционный кризис.

В этих условиях кадеты приняли решение о выходе из правительства. 2 июля, т. е. накануне опубликования официального сообщения о провале наступления, кадетские министры Шингарев, Мануйлов и Шаховской вышли из правительства под формальным предлогом о несогласии с политикой правительства по украинскому вопросу.

Решение центрального комитета кадетской партии о выходе из коалиционного правительства вызвало не только паническую растерянность в руководящих кругах эсеро-меньшевиков, но и «некоторое неодобрение», по выражению Милукова, ряда местных комитетов кадетской партии, в том числе и московского²⁷. Известная часть кадетов выражала опасение, что разрыв коалиции может значительно ухудшить шансы кадетской партии на выборах в Учредительное собрание. Милуков, выступая на собрании членов кадетской партии, признавал, что для такого рода опасений основания действительно имеются²⁸.

Почему же, спрашивается, кадетский центральный комитет пошел на этот риск? В чем суть маневра кадетской партии? Означал ли уход кадетов из правительства, что они вообще отказываются от продолжения коалиционной тактики? В. И. Ленин, в руках которого в то время не было, разумеется, ни протоколов кадетского центрального комитета, ни других секретных кадетских документов, тем не менее на основе глубочайшего анализа поведения всех классов и партий вскрыл и показал истинные мотивы «неожиданных», на первый взгляд, действий кадетов. Кадетские лидеры прежде всего «правильно учли, что положение объективно революционное»²⁹. Они страшно опасались

²⁵ В. И. Ленин. Соч. т. 25, стр. 101.

²⁶ ЦГИАМ, ф. 579, оп. 1, д. 855а, л. 33.

²⁷ Там же, д. 854, л. 1.

²⁸ См. там же, ф. 579, оп. 1, д. 854, л. 1

²⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 133.

лись, выражаясь словами Милюкова, «стихийного течения революции»,³⁰ бурно нараставшего и угрожавшего самим основам господства буржуазии. В такой ситуации кадетское руководство и решает оставить склонных к шатаниям эсеро-меньшевистских лидеров, так сказать, с глазу на глаз с революционным народом, предоставляя им «расплатиться за поражение и за возмущение масс»³¹. Милюков в кадетской аудитории откровенно заявлял, что «выход этот имел тот смысл, что ставил их (т. е. министров-«социалистов». — *Н. С.*) лицом к лицу с внутренним противоречием»³². В сущности своим уходом кадеты ставили перед эсеро-меньшевиками ультиматум, добываясь от них полного принятия всех кадетских требований и прежде всего решимости «покончить, наконец, с анархическими нарушениями порядка», как называла кадетская «Речь» революционные выступления масс. «Эта миссия отныне, после ухода министров-кадетов, — заявляла «Речь», — специально ложится на то более умеренное течение социализма, к которому принадлежит большинство в Совете рабочих депутатов»³³. Уверенность кадетских лидеров в том, что соглашатели примут их ультиматум, строилась на том (и в этом суть их маневра), что к этому времени меньшевики и эсеры были уже настолько связаны наступлением, настолько запутаны сделками с буржуазией в коалиционном правительстве, что не могли «не скатиться к сотрудничеству (в репрессиях, в клеветах, в палачестве) с контрреволюционными кадетами»³⁴.

Вести о провале наступления и о новом правительственном кризисе вызвали взрыв возмущения в рабочих кварталах и частях гарнизона Петрограда. Большевистская партия, будучи не в силах сдержать стихийное движение петроградских рабочих и солдат, сделала все для того, чтобы возглавить это движение и придать ему характер мирной и организованной демонстрации. Партия большевиков в полной мере учитывала, что тогда, 3—4 июля 1917 г., еще возможен был мирный переход всей власти к Советам, еще возможно было мирное развитие русской революции.

События 3—4 июля, как и события 20—21 апреля, по существу представляли собой вспышку крайнего обострения борьбы между революционными массами и контрреволюционной буржуазией. Но если, как отмечал В. И. Ленин, в апреле 1917 г. партии меньшевиков и эсеров были «нейтральны», то 3—4 июля они оказались на стороне контрреволюции. Эсеро-меньшевистские лидеры Совета вслед за буржуазией клеветнически, с провокационной целью объявили мирное выступление рабочих и солдат Петрограда «вооруженным мятежом», вина за который возлагалась ими на большевистскую партию.

Хотя кадеты не входили в состав правительства, именно они направляли и подталкивали «социалистических» министров к решительным контрреволюционным действиям, к подавлению мирной демонстрации. «Справившись с уличным движением, это течение (т. е. эсеро-меньшевики. — *Н. С.*) тем самым выдержит экзамен на власть»³⁵. Заявлялось в передовой «Речи» 4 июля 1917 г. В официальном заявлении, опубликованном 7 июля 1917 г., центральный комитет кадетской партии положительно оценил первые шаги правительства «к подавлению преступного бунта». В то же время кадетское руководство заявило, что «не допускает и мысли, чтобы на этом пути правительство могло обнаружить колебания и нерешительность» и требовало «немедленного ареста Ленина и его сообщников»³⁶. Повинуясь кадетским окрикам, эсеры и меньшевики, эти, по определению В. И. Ленина, рабы буржуазии, прикованные господином, выполняли одно за другим кадетские требования. Прикрываясь авторитетом Советов, они дали согласие и на привод реакционных войск в Питер, и на восстановление смертной казни, и на разоружение рабочих и революционных войск, и на аресты, дикую травлю и преследования большевиков.

Чтобы сгладить впечатление от своей контрреволюционной деятельности, министры-«социалисты» выдвинули программу «революционных» мероприятий, включавшую объявление России республикой, роспуск Государственной думы, временное запрещение земельных сделок и т. д. В знак протеста против этой «программы» глава правительст-

³⁰ ЦГИАМ, ф. 579, оп. 1, д. 854, л. 4.

³¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 185.

³² ЦГИАМ, ф. 579, оп. 1, д. 854, л. 4.

³³ «Речь», 4 июля 1917 г.

³⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 184.

³⁵ «Речь», 4 июля 1917 г.

³⁶ «Речь», 7 июля 1917 г.

ва кн. Львов ушел в отставку. Можно утверждать, что отставка Львова, углубляя правительственный кризис, представляла собой новый нажим на соглашателей со стороны буржуазии. После ухода Львова главой правительства стал «социалист» Керенский, заслуживший глубокие симпатии буржуазии в качестве организатора июньского наступления на фронте и одного из руководителей июльского наступления контрреволюции на «внутреннем фронте».

8 июля правительство Керенского обнародовало свою декларацию, причем характерно, что те пункты, которые накануне вызвали особенно резкую критику со стороны Львова, не были включены в текст декларации. В декларации подчеркивалось, что правительство для достижения своих целей не остановится «перед самыми решительными мерами власти». Наряду с этим в декларации содержались демагогические обещания провести в назначенный срок выборы в Учредительное собрание, добиться проведения в августе конференции союзников для определения целей войны, разработать законопроект о 8-часовом рабочем дне, провести земельную реформу и т. д.³⁷ Вся эта демагогия была направлена к тому, чтобы замаскировать реакционную внутреннюю и внешнюю политику правительства.

Объединенное заседание ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, состоявшееся 9 июля, одобрило декларацию. Правительство Керенского было объявлено «правительством спасения революции», оно было наделено неограниченными полномочиями³⁸. Центральные органы Советов, находившиеся в руках соглашателей, официально подтвердили установление единовластия буржуазии.

Таким образом, политический расчет кадетов, связанный с их выходом из правительства, с точки зрения империалистов оказался совершенно правильным. При прямом и активном пособничестве эсеро-меньшевистских лидеров, окончательно скатившихся в лагерь буржуазной контрреволюции, им удалось осуществить, по выражению князя Львова, «глубокий прорыв на фронте Ленина»³⁹. Фактическая власть в результате предательства соглашателей полностью перешла в руки буржуазии. Эсеро-меньшевистские Советы, лишенные реальной власти, превратились в бессильный придаток к власти буржуазной контрреволюции.

События начала июля 1917 г. привели к коренному изменению политического положения, вследствие чего мирное развитие революции в России стало невозможным. В. И. Ленин, первым установивший эту крутую перемену, писал, что отныне «вопрос историей поставлен так: либо полная победа контрреволюции, либо новая революция»⁴⁰. Большевицкая партия, следуя ленинским указаниям, временно сняла лозунг о переходе всей власти к Советам и взяла твердый курс на свержение диктатуры буржуазии.

В это же время кадетская партия, стремясь закрепиться на захваченных в начале июля рубежах, начинает усиленно готовить новое наступление контрреволюционных сил с целью полного разгрома всех завоеваний революционного народа. Уже не ограничиваясь травлей большевицкой партии, обнаглевшая буржуазная печать, кадетская в особенности, одновременно разворачивает атаку против Советов. Кадеты достаточно ясно представляли себе тяжелое положение преданных соглашателями Советов, которые, как говорил Милюков, «почувствовали себя слабыми»⁴¹. И все-таки Советы, как самые массовые организации революционных рабочих и крестьян и выразители их воли, внушали страх контрреволюции. В ликвидации Советов буржуазия видела одно из основных условий установления и упрочения своей неограниченной диктатуры. В. И. Ленин уже 10 июля 1917 г. предупреждал, что дело явно идет к подготовке разгона Советов⁴².

Свои нападки на Советы кадеты демагогически прикрывали тем «доводом», что это, мол, организации классовые, а власть должна быть «надклассовой», «непартийной» (хорошо известно, что буржуазия всегда стремится прикрыть свое классовое господство флагом «общенародности»). Отсюда вытекало требование кадетов о том, чтобы прави-

³⁷ «Известия Петроградского Совета», 9 июля 1917 г.

³⁸ См. «Известия Петроградского Совета», 11 июля 1917 г.

³⁹ Там же, 12 июля 1917 г.

⁴⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 196.

⁴¹ ЦГИАМ, ф. 579, оп. 1, д. 854, л. 15.

⁴² См. В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 157

тельство порвало всякие связи с Советами и было бы полностью «безответственным», что послужило бы ступенью к последующему разгону Советов.

Правительство Керенского, по сути своей бонапартистское, делало невероятные усилия, чтобы казаться «непартийным», хотя на деле оно верой и правдой служило интересам буржуазной контрреволюции. Версию об «общегосударственности» Временного правительства поддерживали эсеро-меньшевистские лидеры. Соглашатели не переставали искать пути к тому, чтобы вернуть кадетов к участию в правительственной коалиции, что якобы должно было придать правительству более широкий («общенародный») характер. Реальную основу подобной соглашательской политики составляла глубокая экономическая, политическая и идейная зависимость мелкобуржуазной демократии от буржуазии. Эсеро-меньшевистские лидеры достаточно ясно понимали, что оставаться без кадетов — это значило лишиться «помощи» английских, французских, американских и российских капиталистов⁴³.

Вместе с тем эсеро-меньшевистские соглашатели, чье влияние в массах быстро падало, не решались начать прямые переговоры с партией, вызвавшей правительственный кризис. Это приводило их к беспомощным метаниям «между потугами править без буржуазии и боязнию обойтись без буржуазии»⁴⁴. «Выход» из положения был найден в том, что реорганизацию правительства было решено провести на основе «независимости» будущих его членов от своих партий и других организаций. Новым министрам предстояло руководствоваться в своей деятельности лишь «общегосударственной» программой правительства.

Формирование нового кабинета было поручено членами правительства Керенскому, причем, исходя из принятой установки, ему было предоставлено право самостоятельно наметить кандидатов в новый состав правительства. Получив столь широкие полномочия, Керенский незамедлительно связался с крупнейшим капиталистом Третьяковым, а также с кадетами Набоковым, Астровым, Кишкиным, но не как с представителями кадетской партии, а как с «частными лицами».

В центральном комитете кадетской партии чрезвычайно внимательно следили за всеми действиями правительства Керенского и эсеро-меньшевистского руководства Совета. Есть все основания полагать, что в период июльского кризиса власти кадеты не один раз обсуждали вопрос о возможных правительственных комбинациях и о своей тактике по отношению к эсеро-меньшевистским соглашателям. Обращением Керенского к ряду видных кадетских деятелей в центральном комитете кадетской партии, как отметил Милюков, остались «очень довольны» главным образом потому, что Керенский действовал помимо Совета и потому также, что речь шла об организации «независимого» кабинета. «Мы ведь только и настаивали, — говорил Милюков, — на безответственном правительстве, которое не будет отвечать ни перед Советами, ни перед комитетами, ни перед какими-либо организациями»⁴⁵. Учитывая это, кадетский центральный комитет решил ответить принципиальным согласием на предложение Керенского.

Вместе с тем в центральном комитете кадетской партии была выработана программа деятельности нового правительства, которая «частными» кадетами Астровым, Кишкиным и Набоковым была направлена 15 июля 1917 г. Керенскому в виде условий, на которых они готовы были вступить в правительство. Среди выдвинутых семи условий были такие, как ответственность министров «исключительно перед своей совестью», безусловная отсрочка до Учредительного собрания «всех основных социальных реформ и разрешения вопросов о форме государственного строя», соблюдение «принципа полного единения с союзниками», «создание мощи армии», «уничтожение многовластия» (читай: Советов)⁴⁶. Демагогическую правительственную программу, изложенную в декларации 8 июля, кадеты решительно отвергли.

Комментируя содержание выдвинутых кадетами условий, Милюков особенно подчеркивал требование «безответственности власти» и требование о том, чтобы эта опирающаяся на силу власть «воссоздала свою организацию по всей стране в провинции, вытеснив таким образом явочные Советы и всевозможные новорожденные организации»⁴⁷.

⁴³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 144.

⁴⁴ Там же, стр. 178.

⁴⁵ ЦГИАМ, ф. 579, оп. 1, д. 854, л. 8.

⁴⁶ См. там же, д. 861, л. 1—1 об.; «Речь», 18 июля 1917 г.

⁴⁷ См. ЦГИАМ, ф. 579, оп. 1, д. 854, л. 8.

Требования кадетов были всецело поддержаны всем лагерем буржуазно-помещичьей контрреволюции. В декларации торгово-промышленных организаций, направленной Керенскому в связи с приглашением в состав правительства Третьякова, повторялись в сущности те же кадетские условия⁴⁸. В том же духе было составлено и обращение Временного комитета Государственной думы⁴⁹.

Таким образом, реакционная программа воинствующей буржуазной контрреволюции, включая и ликвидацию Советов, должна была, по плану кадетов, стать официальной программой нового правительства. Если выходом из правительства кадеты добились от соглашателей выполнения ряда своих коренных требований, то за свое возвращение они требовали теперь от лидеров мелкобуржуазной демократии полной капитуляции. Кадетская «Речь» устанавливала прямую преемственность между выходом кадетов из правительства и переговорами об их обратном вступлении⁵⁰.

Условия кадетов поставили в затруднительное положение эсеро-меньшевистских лидеров. Ведь согласиться с этими условиями — значило для них подрубить сук, на котором они и без того сидели уже весьма непрочной, и лишиться всякой поддержки в массах. И снова начались метания. Большевистский лидер и министр-«социалист» Церетели сделал заявление, что слухи о возможности пересмотра правительственной программы, изложенной в декларации 8 июля, «совершенно не соответствуют действительности». Церетели прибавил даже, что если бы среди буржуазии не оказалось таких лиц, которые могли бы принять всю «революционную программу» правительства, то правительство осталось бы в своем прежнем составе⁵¹.

Объединенное заседание ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Совета крестьянских депутатов, состоявшееся 17 июля, высказалось за привлечение в правительство «всех живых сил страны» (в число этих «сил» соглашатели всегда включали буржуазию и ее партии). Вместе с тем на заседании было отмечено, что поведение «некоторых кругов буржуазии», которые бойкотируют программу 8 июля, «является не чем иным, как попыткой захватить власть в свои руки, пользуясь затруднительным положением страны»⁵².

Делая подобного рода заявления, соглашатели пытались создать впечатление, будто они проводят какую-то независимую от буржуазии политическую линию, будто Советы имеют еще в своих руках какую-то власть. В то же время эти заявления представляли собой одну из форм того постыдного торга, который вели в это время соглашатели с кадетами о мерах взаимных уступок. Но эта торговля Керенского, Церетели, Чернова с кадетами имела, как отмечал В. И. Ленин, «второстепенное, если не десятистепенное, значение» ее исход ничего не мог изменить, ибо «основным, главным, решающим фактом» являлся поворот эсеров и меньшевиков к контрреволюции. Предательство соглашателей лишило их всякой реальной власти и превратило в «связанных людей»⁵³. Расширенное совещание ЦК большевистской партии, состоявшееся 13—14 июля, очень точно определило линию взаимоотношений между эсеро-меньшевиками и буржуазией: «Желая спасти свои позиции от натиска контрреволюции, мелкая буржуазия не решается дать сражения этой контрреволюции, предпочитая идти с ней на соглашение и сдавая одну позицию за другой»⁵⁴.

19—20-го июля 1917 г. состоялось заседание кадетского центрального комитета⁵⁵, на котором были обсуждены результаты первого этапа переговоров с Керенским о формировании нового правительства. Выяснилось, что сам Керенский готов принять любые условия кадетов. По словам Новгородцева, Керенский заявил даже: «Я механизм: поль-

⁴⁸ См. «Декларация торгово-промышленных организаций». «Речь», 16 июля 1917 г.

⁴⁹ См. «Буржуазия и помещики в 1917 г. Частные совещания членов Государственной думы», М.—Л., 1932, стр. 192—193; см. также «Речь», 19 июля 1917 г.

⁵⁰ См. «Речь», 16 июля 1917 г.

⁵¹ См. «Известия Петроградского Совета», 16 июля 1917 г.

⁵² Там же, 18 июля 1917 г.

⁵³ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 186.

⁵⁴ «КПСС в резолюциях и решениях...», стр. 369.

⁵⁵ В краткой протокольной записи заседания, сделанной рукой Милюкова, дата заседания не указана. Судя по содержанию записи, можно предположить, что это заседание состоялось не ранее вечера 19 и не позднее 20 июля 1917 г. (ЦГИАМ, ф. 579, оп. 1, д. 961).

зуйтесь мной, пока я могу что-то делать»⁵⁶. Однако боязнь неблагоприятной реакции со стороны демократических организаций заставляет Керенского быть осторожным. Поэтому, например, он отверг кандидатуру миллионера Третьякова, который своей резкостью и ультимативной постановкой вопросов произвел на него впечатление «воинствующего капиталиста»⁵⁷.

Милюков, Протопопов, Новгородцев и некоторые другие члены кадетского центрального комитета склонялись к тому, что при сложившемся положении не следует давать соглашателям никаких уступок и вообще «м[ожно] идти с легким сердцем на выход социалистов»⁵⁸. Эта группа кадетских лидеров стояла за «твердость и неуступчивость».

Но большая часть членов центрального комитета кадетской партии по-прежнему считала необходимым сохранить пока коалицию. В принципе и эти кадеты отнюдь не возражали против создания однородного буржуазного правительства, но к этому, как выразился Гримм, «ни психологически страна не подготовлена, ни реальной силы нет»⁵⁹. Васильев и Френкель также отмечали неблагоприятные объективные условия для создания открытой кадетской диктатуры, в частности, то, что «петербургский гарнизон ненадежен»⁶⁰. «Что будет, если социалисты уйдут? — спрашивал Васильев и отвечал: — Уход социалистов — крах армии, бунты в городах, поджоги в деревнях». Следовательно, меньшевики и эсеры, еще пользовавшиеся влиянием в массах, нужны были в правительстве для того, чтобы упрочить положение буржуазной власти, задержать нарастающее революционное движение. Отсюда Васильев делал вывод: «Только коалиционное правительство»⁶¹.

Большинство членов центрального комитета кадетской партии придерживалось той точки зрения, что в целях сохранения коалиции следует от Керенского добиваться принятия лишь наиболее важных кадетских требований. Так, Аджемов, Винавер, Васильев и другие считали совершенно невозможным настаивать на обязательном включении в правительство представителей торговли и промышленности (Третьякова, Бурышкина и др.). Васильев по этому поводу заявил, что вообще «неудачна была мысль ввести буржуазию», так как «все усилия д[олжны] б[ыть] направлены на то, ч[то] б[ы] м[инистер]ство было встречено не взрывом негодования масс и продержалось дольше»⁶².

Сторонники коалиции высказывались также против ультимативного требования о предоставлении кадетам портфелей министров внутренних дел и юстиции, как на том настаивал, например, Кокоскин. Большинство склонялось к тому, что из этих двух министерств предпочтение следует отдать министерству внутренних дел в связи с предстоявшими выборами в Учредительное собрание. Винавер заявил, что проведение выборов в назначенный срок (17 сентября) он считает «бедствием» для кадетской партии. «Только наш м[инистр] в[нутренних] д[ел] м[ожет] добиться отсрочки»⁶³. Аджемов «на основании провинциального опыта» — также приходил к выводу, что выборы будут проходить в «тяжелых условиях» для кадетов и поэтому нужен «энергичный» министр внутренних дел⁶⁴. Набоков по той же причине считал, что в министерстве внутренних дел «крайне важно иметь своего человека»⁶⁵.

Будущему министру юстиции доставалось, как выразился Аджемов, «тяжелое наследство», поскольку ему предстояло вести «дело Ленина», санкционировать «необходимость арестов» и т. д. «Этот м[инистр], — говорил Аджемов, — д[олжен] иметь и характер и желание им или себе сломать шею»⁶⁶. Аджемов полагал, что среди соглашателей можно найти подходящего человека на этот пост и в качестве возможной кандидатуры он назвал народного социалиста Зарудного. Предложение Аджемова при-

⁵⁶ ЦГИАМ, ф. 579, оп. 1, д. 961, л. 1. (Как это перекликается со словами В. И. Ленина о том, что контрреволюционные кадеты играют Керенским, «как пешкой». В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 201.)

⁵⁷ Там же, л. 2.

⁵⁸ Там же, л. 4.

⁵⁹ Там же, л. 3.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, л. 4.

⁶² Там же, л. 3.

⁶³ Там же, л. 2.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, л. 3.

⁶⁶ Там же, л. 2.

шлось по вкусу многим участникам заседания, а Оболенский даже воскликнул: «Зарудный — превосходно!»⁶⁷.

Решив положительно вопрос о сохранении коалиции и о своем участии в правительстве, члены кадетского центрального комитета сочли необходимым настаивать перед Керенским на официальном принятии программы, изложенной в письме Астрова, Набокова, Кишкина. Было решено потребовать от Керенского открытого письма с ответом на предложения кадетов.

Керенский 20 июля направил Набокову, Кишкину и Астрову открытое письмо и вновь повторил свое предложение кадетам войти в состав правительства, которое «облечено всей полнотой власти и не отвечает ни перед какими общественными организациями или партиями»⁶⁸. По существу Керенский принимал условия кадетов, хотя в его письме в качестве реверанса «влево» и была сделана ссылка на прежние декларации Временного правительства, включая и декларацию 8 июля. Но кадеты решили усилить давление на соглашателей с тем, чтобы добиться от них полного отказа от старых деклараций, в которых имелось, в частности, обещание созвать в срок Учредительное собрание. Обмен письмами был продолжен. Кишкин в письме Керенскому с укоризной писал, что «для министра-председателя, желающего спасти страну [читай: власть буржуазии.— Н. С.], нельзя ссылаться только на старые декларации правительства, от которых вы, кстати, за последнее время, под влиянием грозных событий, совершенно правильно уже отступили»⁶⁹. Кишкин предупреждал Керенского, что отказ от принятия кадетских требований сделает «невозможным создание общенационального правительства»⁷⁰. Кадеты продолжали сеять страхи в робких душах соглашателей, принуждая их к принятию всех своих требований.

Вместе с кадетами энергично действовал и их верный «механизм»— Керенский. 21 июля на заседании правительства Керенский сделал заявление о своей отставке в связи с неудачным исходом переговоров с кадетами, лишившим его возможности создать коалиционное правительство. К отставке Керенского присоединились Терещенко, Некрасов и некоторые другие министры. Совершенно деморализованное правительство постановило отставку Керенского и других министров не принимать и продолжать работу до ликвидации кризиса власти. Кроме того, было решено в тот же день созвать экстренное заседание правительства совместно с центральными комитетами кадетской, радикально-демократической, народно-социалистической, эсеровской и меньшевистской партий; к участию в совещании приглашались председатель Государственной думы Родзянко, председатель ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов Чхеидзе и председатель Исполкома Совета крестьянских депутатов Авксентьев⁷¹.

На заседании в Зимнем дворце (в ночь на 22 июля), которое кадеты и соглашатели называли «историческим», Милюков потребовал предоставления Керенскому неограниченных полномочий и полной свободы действий в создании кабинета, а также в определении программы действий будущего правительства. К соглашателям Милюков обратился с прямым вопросом: готов ли Совет «либо взять власть в свои руки, либо оказать доверие без оговорок и без отчетов правительству, которое будет образовано А. Ф. Керенским?»⁷². Прижатые к стене, соглашатели пытались выторговать хотя бы словесные уступки, чтобы спасти свое «демократическое» лицо. Меньшевистский лидер Дан напомнил кадетам, что эсеро-меньшевистские Советы не раз проявляли «способность к самоограничению, к подчинению своих интересов государству»⁷³ (т. е. контрреволюции). Мало этого. Эсеры и меньшевики, перечисляя свои «заслуги» перед буржуазией, старались убедить кадетов в том, что они могут спокойно рассчитывать на соглашателей и в дальнейшем. Но кадеты отвергали все претензии соглашателей на участие в определении программы будущего правительства.

На рассвете 22 июля центральные комитеты партий, участвовавших в объединенном заседании, огласили свои резолюции. Керенскому была предоставлена полная сво-

⁶⁷ ЦГИАМ, ф. 579, оп. 1, д. 961, л. 4.

⁶⁸ «Известия Петроградского Совета», 21 июля 1917 г.; «Речь», 21 июля 1917 г.

⁶⁹ ЦГАОР и СС, ф. 3, оп. 1, д. 46, л. 8. Текст письма Кишкина был опубликован в газете «Речь» 22 июля 1917 г., но с большим количеством серьезных опечаток.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ См. «Известия Петроградского Совета», 22 июля 1917 г.

⁷² «Речь», 23 июля 1917 г.

⁷³ Там же.

была действий в формировании кабинета. Аналогичная резолюция была в тот же день проведена меньшевиками и эсерами на объединенном заседании ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Советов крестьянских депутатов. Временный комитет Государственной думы, этот оплот монархической реакции, также благословил Керенского на организацию новой «сильной» власти.

Кадетов, однако, резолюции меньшевиков и эсеров, в которых имелись демагогические упоминания о декларации 8 июля, не вполне удовлетворили. Нам неизвестно, какое в связи с этим было принято решение в центральном комитете кадетской партии. Видимо, чтобы добиться принятия своих требований, кадеты решили затянуть правительственный кризис. Этим можно объяснить, что IX съезд кадетской партии, открывшийся в Москве 23 июля 1917 г., в тот же день, после речей Новгородцева и Кизеветтера, «одобрил тактику воздержания от вступления в правительство»⁷⁴.

Между тем Керенский, срочно вызванный из Финляндии⁷⁵, вечером 22 июля возобновил переговоры об образовании нового правительства. В заявлении Керенского по этому поводу была изложена, по сути дела, полная кадетская программа создания «независимой» и «сильной» власти, продолжения войны, милитаризации тыла и т. д.⁷⁶.

Центральный комитет кадетской партии на своем заседании 24 июля счел возможным солидаризироваться с выдвинутой Керенским программой; на этом основании было решено дать согласие на вступление в правительство членов кадетской партии «по личному выбору Керенского»⁷⁷. И стоило кадетам согласиться на участие в правительстве, как в тот же день, 24 июля, Керенским было сформировано новое коалиционное правительство.

IX съезд кадетской партии, переехавший по вызову центрального комитета из Москвы в Петроград, встретился здесь с уже сложившейся правительственной комбинацией. Выступивший с докладом Милюков призвал съезд к поддержке этой комбинации, ибо решение о вступлении в правительство не только не означало отказа от «прежней тактики» кадетской партии, но представляло собой «проявление торжества» этой тактики, результат победы кадетских требований⁷⁸. После долгих прений большинством съезда была принята резолюция, одобряющая вхождение кадетов в новое коалиционное правительство.

Кадеты, игравшие ведущую роль в образовании июльской коалиции, заняли руководящее положение и в самом правительстве. Непосредственно в состав правительства вошли кадеты Кокошкин, Карташев, Юренев, Ольденбург и Некрасов (последний в июле 1917 г. формально вышел из кадетской партии). Ряд других министров, не принадлежа к кадетской партии, фактически полностью разделяли политическую линию кадетов (Керенский, Терещенко, Прокопович и др.). Портфель министра внутренних дел, которому кадеты придавали столь важное значение, достался не кадету, а эсеру — Авксентьеву. Но этот министр, несмотря на его «социалистическое» звание, подобно Керенскому, вполне отвечал всем кадетским требованиям. Кровь рабочих и солдат, провокационно расстрелянных в июльские дни при прямом содействии Авксентьева, как одного из членов комиссии по «восстановлению порядка» при командующем Петроградским военным округом, свидетельствовала о его «энергии» и «твердости», о том, что для кадетов это, несомненно, «свой человек»⁷⁹. Пост министра юстиции, как это и было задумано кадетами, получил народный социалист Зарудный.

В. И. Ленин дал исчерпывающую классовую характеристику нового правительства как министерства первых шагов бонапартизма⁸⁰. Это правительство могло возникнуть в условиях обостренной до крайних пределов классовой борьбы, в условиях, когда, как писал В. И. Ленин, «буржуазия рвет и мечет против Советов, но она *еще* бессильна

⁷⁴ См. «Речь», 26 июля 1917 г.

⁷⁵ Керенский уехал в Финляндию после вручения правительству заявления об отставке 21 июля 1917 г.

⁷⁶ См. «Речь», 23 июля 1917 г.

⁷⁷ См. «Речь», 25 июля 1917 г.; «День», 25 июля 1917 г.

⁷⁸ См. «Речь», 26 июля 1917 г.

⁷⁹ Попутно следует заметить, что уже вскоре после образования нового правительства кадетам при посредстве Авксентьева удалось добиться отсрочки выборов в Учредительное собрание.

⁸⁰ См. В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 200.

сразу разогнать их, а они *уже* бессильны, проституированные господами Церетели, Черновыми и К⁰, оказать серьезное сопротивление буржуазии»⁸¹.

Эсеро-меньшевистские лидеры при явно плохой игре все еще старались сохранить хорошую мину. Вопреки очевидным фактам, грубо обманывая массы, они называли новое правительство «правительством революционной обороны страны и решительных демократических преобразований» и обещали ему «самую активную поддержку Советов»⁸². На заседании ЦИК соглашательским большинством была проведена соответствующая резолюция о «поддержке» правительства⁸³. Ем. Ярославский с большой силой разоблачения писал, обращаясь к соглашателям: «Не вы ли сами позаботились о том, чтобы члены нового правительства, ответственные только перед своей совестью, не нуждались в нашей поддержке?... Не вы ли даете укрепиться у власти тем, кто сейчас с пеной у рта ведет поход против существования самих Советов?»⁸⁴.

Кадеты приветствовали создание нового коалиционного правительства как важный шаг на пути к полному разгрому Советов и всех революционных завоеваний народа. Но при этом они не скрывали, что сама коалиция имеет для них относительную ценность и отнюдь не является конечной целью. Показательно, что IX съезд кадетской партии поддержку новому правительству обещал в весьма сдержанных выражениях и лишь в том случае, если оно «окажется способным выполнить свой долг», разумеется, в том смысле, какой вкладывали в него кадеты⁸⁵. Милюков прямо утверждал, что «самое одобрение» коалиции получило на съезде «тот условный и временный характер, который имела сама новая министерская комбинация». Отсюда делался далеко идущий вывод о том, что кадетский центральный комитет получил «не только одобрение в настоящем, но и свободу действий... в будущем»⁸⁶. При закрытии кадетского съезда Милюков высказал недвусмысленное предположение о том, «что скоро вновь потребуются решительные действия»...⁸⁷.

Итак, едва образовалось новое коалиционное правительство, как кадеты зловеще заговорили о его недолговечности, о возможности «новой, более решительной перемены»⁸⁸. Нет сомнений, что речь в данном случае шла о таких «действиях» и о такой «перемене», которые должны были привести к открытой террористической военной диктатуре. В июле кадеты не могли еще пойти на создание такой диктатуры, ибо в их руках не было тогда соответствующей вооруженной силы.

Поэтому временное установление бонапартистской диктатуры, прикрытой вывеской коалиции, было признано кадетами наиболее приемлемым выходом из кризиса власти. И характерно с этой точки зрения, что столь деятельное участие в образовании июльской коалиции принимал Милюков, который всегда был одним из самых последовательных сторонников военной диктатуры буржуазии.

В. И. Ленин, глубоко вскрывая тактические замыслы кадетов, писал, что «„новое“ правительство Керенского, Авксентьева и К⁰ есть лишь ширма для прикрытия контрреволюционных кадетов и военной клики, имеющей власть в руках»⁸⁹. Прикрываясь ширмой коалиции и опираясь на военную клику, кадеты развернули лихорадочную деятельность по мобилизации всех черных сил контрреволюции и по организации этих сил на подготовку к контрреволюционному перевороту, на подготовку корниловщины.

Однако июльский кризис, в ходе которого эсеро-меньшевистские Советы фактически передали власть контрреволюции, представляемой кадетами, привел не только к победе буржуазии. Конечно, условия борьбы большевистской партии за победу социалистической революции стали теперь несравненно труднее. Предательство эсеро-меньшевиков привело к установлению единовластия буржуазии и потере драгоценной возможности мирного развития революции. Но победа контрреволюции вместе с тем ускоряла разочарование масс в партиях меньшевиков и эсеров, которым длительное время доверяло

⁸¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 200.

⁸² См. «Рабочая газета», 26 июля 1917 г.

⁸³ См. «Известия Петроградского Совета», 26 июля 1917 г.

⁸⁴ «Рабочий и солдат», 28 июля 1917 г.

⁸⁵ См. Постановления IX съезда партии народной свободы. «Вестник партии народной свободы», 1917, № 11—13, стр. 12.

⁸⁶ «Вестник партии народной свободы», 1917, № 11—13, стр. 3.

⁸⁷ «Народная свобода», 26 августа 1917 г. (Н. Новгород).

⁸⁸ «Речь», 30 июля 1917 г.

⁸⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 202.

большинство народа. А это означало приближение новой эпохи, когда, как писал В. И. Ленин, «большинство трудящихся вынуждено будет доверить свою судьбу революционному пролетариату»⁹⁰. И именно это — доверие большинства народа революционному пролетариату и его большевистской партии имело решающее значение для разгрома всех попыток контрреволюции задержать стремительное приближение великой социалистической революции. Антинародным планам контрреволюционной буржуазии большевистская партия противопоставила последовательный план дальнейшего развития революции. Вооруженная историческими решениями своего VI съезда, большевистская партия с честью выполнила роль «передового борца против контрреволюции»⁹¹, и направила все свои усилия на сплочение, организацию и подготовку всех революционных сил к вооруженному восстанию против диктатуры контрреволюционной буржуазии и завоеванию власти рабочим классом в интересах социалистического переустройства общества.

⁹⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 202.

⁹¹ «КПСС в резолюциях и решениях...», стр. 376.

